

РАЗДЕЛ СЕМНАДЦАТЫЙ

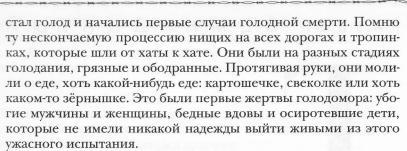
од 1932 стал свидетелем последней битвы со времени коллективизации: это была битва за хлеб, а точнее говоря — за урожай 32-го года. По одну сторону в ней выступала коммунистическая власть, а по другую — едва живое от голода крестьянство. Властные структуры шли на всё, только бы выкачать из села как можно больше сельскохозяйственной продукции, не взирая на последствия своих действий. Крестьянство, которое уже стояло на краю голодной смерти, из последних сил пыталось сохранить остатки продуктовых запасов и, вопреки откровенному стремлению властей, остаться в живых.

Читателям следует напомнить, что до самого конца 1931

Читателям следует напомнить, что до самого конца 1931 года коммунисты вели свою антикрестьянскую войну под прикрытием лозунга ликвидации "кулачества как класса". Но в 32-м году возникла другая ситуация: так называемые кулаки были уже физически уничтожены, а коллективизация, если не говорить о небольшом количестве единоличников, которые всё ещё цеплялись за свою независимость, завершена. И теперь борьба шла между коммунистической силой и уже коллективизированным крестьянством; кампанию за коллективизацию сменила хлебозаготовительная кампания.

Затяжная и холодная зима 31–32-го годов очень медленно поддавалась наступлению весны. До апреля снег уже растаял, но стояла туманная и дождливая погода. Часто тяжёлый туман обкладывал село, будто стремясь спрятать от постороннего взгляда убожество нашего существования. А потом холодные ветры разгоняли туман, принося вместо них студёные ливни.

ветры разгоняли туман, принося вместо них студёные ливни. Примерно в это время положение крестьян стало просто отчаянным. Это была незабываемая весна 32-го года, когда на-

Некоторые оголодавшие крестьяне всё ещё пытались заработать на продукты какой-нибудь работой в селе или вне села, их часто можно было видеть, этих грустных, осунувшихся мужчин, которые с топором или лопатой сновали от двора ко двору, ища работы. Может, кто наймёт их перекопать огород или нарубить дров. Они готовы были это делать за какую-то пару картофелин. Но немногие из нас имели и те две лишние картофелины.

Голодные нищие толпами покрывали поля, на которых осенью была картошка: они искали в поле хотя бы картофелину, что оставалась от прошлогоднего урожая. Безразлично, какая она была, — мороженая или гнилая, — её всё ещё можно было съесть. Другие бродили в лесу в поисках еды. Людно было и на берегах речки: там вокруг было много свежей зелени — молодых отростков камыша и другой водяной поросли. Можно было поймать что-нибудь съедобное и в самой воде.

Но большинство тех, кто искал, как прокормиться, по привычке предыдущих лет ринулись в город. Там всегда было легче найти какую-нибудь работу — то ли в парках, или убирать двор, или подметать улицу. Но теперь времена изменились. Теперь запрещалось нанимать крестьян на любую работу в городе. Этот запрет имел двойную цель: не только сдержать отток рабочей силы из колхозов, но также — и это было главное — сделать невозможным для крестьян получать в городах продуктовый паёк.

Были и такие крестьяне, которые искали спасения на городских базарах. Они несли туда продавать свою лучшую одежду ещё с дореволюционных времён, какие-то семейные памятки, изделия прикладного искусства, женские украшения, кото-

рые передавались из поколения в поколение, домотканые сорочки, полотенца и скатерти, украшенные традиционной национальной вышивкой, украинские ковры ручного ткачества и другие ценности. Всё это продавалось за полцены или выменивалось за что-нибудь съедобное. Но многие голодающие крестьяне приходили на базар не для того, чтобы купить что-то или выменять: им нечего было вынести на продажу и они не имели денег для покупки. Просто эти людные места были для них последней возможностью найти какую-нибудь еду. Вот и поселялись они там навсегда. Я видел много таких крестьян, когда иногда ходил туда по поручению матери. Они бродили среди базарной толпы с протянутыми руками и заплаканными глазами, моля прохожих не дать им умереть с голоду. Но горожане по большей части обходили их, опустив глаза, будто боялись или стыдились даже посмотреть на них. Вскоре эти голодные нищие стали таким обычным явлением, что в городе привыкли к этому и не обращали уже на них никакого внимания. В отчаянии голодающие стали искать спасения на мусорниках. Несчастные люди рылись в отходах и хламе, выбирая всё, что выбрасывалось: кукурузные кочаны, огрызки яблок, очистки с фруктов, и даже кости. Ночью эти голодающие спали прямо на базарной площади под столами и лавками, в кустах и дворах.

Ночью некоторых из них, бывало, били, а то и забивали насмерть, других забирала милиция во время ночных обходов — их сажали в грузовики, вывозили за город и выбрасывали на произвол судьбы где-нибудь среди поля, строго запрещая возвращаться в город. Многие из них, однако, всё же возвращались, несмотря на опасность; другие понуро плелись назад в свои сёла, покорившись неминуемости смерти; а некоторые были так измождены, что там и умирали, где их выбросила милиция

Многие обречённые искали спасения возле железнодорожных станций и железнодорожных путей. Те, у которых ещё было что-то ценное для продажи, несли его туда в надежде на покупателя из приезжих. Другие приходили с пустыми руками, чтобы выпросить кусок хлеба или крохи какой-то другой еды. Но находились ещё и такие хваты, что добирались до станций с намерением проехать до каких-то отдалённых городов, глав-

ным образом в России, где не было никакого голода. Но осуществить это мало кому удавалось. Ведь билеты продавались лишь тем, кто имел справку с печатью от колхоза. Такая справка свидетельствовала, что предъявителю разрешён выезд до указанного места назначения. Сотрудники ГПУ и милиция проводили регулярные проверки документов у путников. А обыскивали даже тех, кто со вполне законными документами возвращался в Украину из поездки в Россию. Найденные в их багаже продукты конфисковывали.

На то время наше село уже представляло из себя экономическую руину. Нищета охватила всех. Хотя особенными богачами мы никогда и не были, но с экономической точки зрения нам всегда удавалось быть самодостаточными, и мы ещё никогда так долго не голодали. А теперь, выморенные голодом, мы встречали весну 32-го года с большой тревогой, ведь помощи со стороны ждать было не от кого. Голодная смерть сделалась будничным явлением. На сельском кладбище каждый день происходили чьи-то похороны. Нередко можно было наблюдать такие странные похороны: дети тащили самодельную тележку с телами своих родителей, или, наоборот, родители на ручной тачке везли тела собственных детей. Гробов не было, и священники не отпевали. Тела умерших от голода просто складывали в большой общей яме в кучу, одно на другое, и это было всё. Хоронить в отдельных могилах не разрешалось даже тем, кто ещё бы мог их выкопать. Этот странный приказ пришёл от нашего "товарища тысячника", который будто хотел сказать: "А разве общая могила это что-то неподходящее?" — намекая на то, что если советский человек живёт и работает в коллективе, то он может быть и похоронен в коллективной могиле.

Оглядываясь на те события теперь, мне кажется, что я жил в мире какой-то дьявольской фантазии. События, которые я видел тогда и пережил и которые теперь описываю, кажутся мне нереальными из-за их жестокости и невероятного ужаса. Всё, что тогда происходило, просто невозможно сравнить с реальной жизнью в нормальном человеческом обществе.

Я никогда не забуду празднование в нашем селе Первого мая 1932 года. Красный Первомай — важный коммунистический праздник, и сельское руководство не могло его отбыть

кое-как. В этот день должно было состояться официальное открытие весенней посевной кампании, хоть фактически садить и сеять начали ещё с начала апреля.

Наш колхоз специализировался на выращивании картошки, помидоров, капусты, лука и других овощей, что требует постоянного ухода и множества рабочих рук. Чтобы обратить внимание на открытие весенней посевной кампании, накануне Первомая руководство колхоза объявило: участники празднования, которое состоится утром, получат горячий обед из полевых кухонь на площади. После празднования и обеда колхозники сразу же отправятся в поле на работу.

Я пришёл на площадь вместе со всей школой. Таким был установившийся обычай, что школа (а она была в нашем селе девятиклассной) играла основную роль в этих советских торжествах. Мы должны были петь, декламировать и играть в разные игры, показывая каждому, какие мы счастливые. Учителям каждый раз приходилось прилагать много усилий, объясняя нам, как мы должны делать счастливый и беззаботный вид, а в этот год нам было особенно тяжело строить из себя "счастливую молодёжь". Много наших одноклассников уже умерли от голода, а многие другие болели от недоедания и не могли участвовать в этом празднике. Но уклоняться от коммунистических праздников не позволялось никому. Мы, ученики, должны были участвовать в них, как и все; мы должны радоваться и смеяться, хотелось нам того или нет.

Выходя строем на площадь, мы должны были петь песни, разученные для этого случая. Мы также несли огромное красное знамя и полотнища с обычными коммунистическими лозунгами, как то "Да здравствует коммунистическая партия!", "Да здравствует советская власть!", "Спасибо коммунистической партии за нашу счастливую и цветущую жизнь!"

Первым, что я заметил, когда мы пришли на площадь, были какие-то большие котлы, подвешенные над костром. Милиционеры стояли вокруг тех котлов живой оградой, охраняя их будто какое-то драгоценное сокровище, — каждый был вооружён, с наганом в руке. Неподалёку от котлов, возле которых хлопотали несколько молодых женщин, собралось всё сельское начальство. Огромное скопление голодных участников праз-

дника отгораживал от котлов ряд тракторов, поставленных вплотную один к другому.

Этого зрелища, которое я видел на площади, мне не забыть никогда: буквально сотни голодающих людей, устремивших глаза в одно место — на котлы, от которых шёл пар от горячей пищи. Некоторые зрители ещё могли устоять на месте самостоятельно, другие же были так слабы, что их приходилось поддерживать родственникам или знакомым. А многие уже могли только лежать на земле. Необычная тишина и покой в толпе свидетельствовали о напряжённом ожидании, что вот-вот произойдёт что-то необычное.

И когда на одном из тракторов появилась фигура нашего "товарища тысячника", готового начать праздник своей оче-редной речью, глаза всех, вначале прикованные к котлам, над которыми так соблазнительно шел пар, и дыму костров, обратились к нему. Он начал с того, что поздравил всех нас с праздником. Затем говоривший напомнил нам, что, празднуя Пердником. Затем говоривший напомнил нам, что, празднуя Первое мая, мы должны (он подчеркнул: должны) продемонстрировать солидарность со всеми пролетариями, коть и не объяснил как именно. В конце своей пространной болтовни он объявил, что этим празднованием Первомая наш колхоз торжественно открывает весеннюю посевную кампанию. А самый лучший способ отметить два таких патриотических события, поучал он, это активно включиться в социалистическое соревнование за быстрое выполнение и перевыполнение производственных норм на полях

Вот здесь его голодные слушатели стали терять терпение. Сотням пар глаз уже давно стало неинтересно смотреть на него, и люди снова сосредоточили голодные взгляды на котлах. Они уже не могли дольше слушать. Очень медленно, но настойчиво толпа стала продвигаться вперёд, поближе к котлам.

— А сейчас, — прокричал тысячник свои последние слова

оголодавшим слушателям, — сейчас, благодаря нашей дорогой коммунистической партии, мы отметим эти два таких больших события нашей традиционной горячей гречневой кашей!!!

Оборванная и голодная толпа уже не могла дождаться, по-

гаться, - бросились к котлам. Сотни людей визжали, вскрики-

вали и ругали друг друга, они сбивали с ног более слабых и топтались по тем, кто уже лежал на земле и пытался добраться до котлов по-пластунски.

Но добраться до них не смог никто. В тот момент, когда уже казалось, что возбуждённая толпа вот-вот перевернёт все эти котлы, прозвучал выстрел, за ним — ещё один... Это всё равно не остановило натиска. Тогда какой-то отчаянный паренёк залез на трактор и начал что-то кричать. Но прозвучал третий выстрел. Паренёк на тракторе качнулся и упал. Только это третье, фатальное предупреждение, наконец, подействовало, и толпа успокоилась.

"Товарищ тысячник", который во время всей этой бучи беспомощно застыл на тракторе, теперь уже совладал с собой. Презрительно глядя с высоты своего положения на толпу, он сердито крикнул:

— Перестаньте вести себя, как дикие звери! — И продолжил: Станьте в очередь и немного подождите! Первыми получат еду те, кто в состоянии пойти на работу в поле.

Сказав это, он сошёл с трактора и занял место возле казанов, чтобы лично присматривать за распределением еды.

Постепенно порядок был наведен. Голодные выстроились в очередь, как и следовало. Некоторые стояли, некоторые лежали в очереди, каждый держал какую-нибудь посудину: миску, горшочек или жестянку. Наконец, "товарищ тысячник" милостиво кивнул в знак того, что можно начать первомайское угощение. Каждому перепало по два больших черпака гречневой каши. Никого не забыли и не обошли.

Когда этот обед закончился, "товарищ тысячник" опять залез на трактор, чтобы сделать важное объявление. С сегодняшнего дня, сказал он, те колхозники, которые будут работать в поле, будут каждый день получать по фунту хлеба и по два горячих блюда. И сразу же приказал тем, кто был ещё на это способен, двигаться в поле и начинать работать.

Но немногие пошли в поле. Гречневая каша не могла сделать чуда. Многие были слишком слабы, чтобы идти на какое-то длинное расстояние, а некоторым и подняться было невмочь. Они так и остались сидеть или лежать на площади, вылизывая остатки каши из своих посудин.

о порции он пайки,

Мы, школьники, вместе с учителями получили по порции каши последними. Пока голодные люди поглощали свои пайки, мы должны были петь патриотические первомайские песни с благодарностями коммунистической партии и советскому правительству за то, что они подарили нам счастливую и богатую жизнь. И всё это время мы просто корчились от голода и ужасно завидовали тем, кто уже ел свою кашу.

Застреленного на тракторе оттащили от того места, где он упал, и так и оставили лежать на виду у всех на площади. Немного позже я заметил, что к нему подкрался исхудавший от голода пёс и, осторожно обнюхав лежащего, начал слизывать кровь из его раны.